

М.Ю. Ульянов*

**От «критики» к «рефлексии»:
читая книгу А.И. Кобзева
«Драмы и фарсы российской китаистики»¹**

N'en déplaise à votre savoir²

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрен сборник статей А.И. Кобзева «Драмы и фарсы российской китаистики», где описаны как достижения российской синологии, так и явления, препятствующие её развитию. Автор статьи разобрал содержание ряда критических статей с целью извлечения уроков, которые необходимо учесть при написании академической истории отечественной синологии и научных биографий учёных, внесших наибольший вклад в её развитие, а также выделил ряд важных проблем, затронутых в сборнике: подготовка в классических университетах академических учёных-китаистов, занимающихся «классикой»; организация и осуществление академических проектов; культура ведения научных дискуссий; создание критической биографии учёного; роль «учеников» в сохранении научной школы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: История российской синологии, критика, рефлексия, биография учёных, философия, литературоведение, источниковедение, воспоминания, проблемы китаеведения.

* Ульянов Марк Юрьевич, доцент, к.и.н., зав. кафедрой китайской филологии, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; E-mail: ulm@mail.ru

© Ульянов М.Ю., 2017

¹ Кобзев А.И. Драмы и фарсы российской китаистики. Научный сборник с участием В.Ц. Головачёва, Р.Н. Дёмина, А.Д. Дикарёва, В.Е. Еремеева, Д.Е. Мартынова, Н.А. Орловой и Ю.В. Чудодеева. (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 19). М.: ИВ РАН, 2016.

² «Не в обиду вам будь сказано; нравится ли вам это или нет» (из французского речевого этикета).

Было бы несправедливо утверждать, что отечественным китаеведам не присущ интерес к прошлому своего научного направления. Напротив, значительная часть работ синологов посвящена именно этой теме. Издавались и издаются документы и неопубликованные ранее труды учёных прошлого, их эпистолярное наследие³. Имена Н.Я. Бичурина, П.И. Кафарова, В.П. Васильева, В.М. Алексеева и многих других, более или менее известных китаистов, постоянно на слуху, регулярно отмечаются юбилеи, издаются сборники как дань памяти и признание их труда и вклада в развитие науки и российско-китайских отношений. В книгах по истории российского востоковедения внушительные разделы отведены истории китаеведения⁴. Значимость всех этих трудов велика хотя бы потому, что само обращение к прошлому науки несёт в себе мощное воспитательное начало.

Можно уверенно сказать, что в ряду уже имеющихся работ рассматриваемая книга займёт достойное место. Внушительного объёма, в 600 страниц, она состоит из двух частей: «Панорамные образы» и «Портретные отражения». Над статьями, которые включены в неё, автор работал три десятка лет. В них отразился опыт ныне здравствующего и «практикующего» востоковеда, который, оставаясь в академической среде и во многом её формируя, продолжает заниматься «классикой» — китайской философской мыслью древности и нового времени. Поскольку же автор — и философ, и специалист по истории философии, стоит помнить, что в своих исследованиях он стремится не только к выявлению объективных и общих закономерностей, но и к установлению новых фактов, и к выражению своего индивидуального мировоззрения, своих самобытных и личностных взглядов.

Обе части книги в плане содержания обращены к прошлому: как самого автора, так и всего отечественного китаеведения, к его светлым и мрачным страницам. Автор касается вопросов истории российской китаистики от самого её возникновения (прежде всего в энциклопедической статье «Российская китаистика», 2009) до настоящего

³ Классическим трудом является книга П.Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения» [48]. Значимым событием стал выход в свет четырёх томов «Архива российского китаеведения», а также книг В.Г. Дацишана [11; 12; 13], работы А.А. Хисамутдинова [58], сборника «Труды Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН» [53]. Очень важны интервью китаистов старшего поколения, напечатанные в двух томах собрания «Российское китаеведение — устная история» [46]. Ещё больше интервью размещено на сайте факультета политологии Тайваньского государственного университета (<http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php>).

⁴ См. [15; 16; 34; 36–38; 45; 49].

времени. Он в основном рассматривает научную деятельность представителей трёх поколений синологов: предшествующего по отношению к нему (середины XX в.), старшего (тех, кому сейчас 70–80 лет) и его собственного (тех, кому сейчас 50–60 лет).

Можно сказать, что общая идея сборника — показать различные факторы, повлиявшие на формирование современной синологии. Большая часть статей призвана обобщить достижения, мемориальные статьи должны увековечить память ушедших из жизни коллег, а критические — привлечь внимание читателя к негативным явлениям. В центре внимания автора сопоставление петербургского и московского направлений китаистики.

Книга получилась до некоторой степени провокативной, вызывающая эмоции, в том числе не всегда положительные. Основной её посыл формируется именно критическими статьями, что отражено в названии: «Драмы и фарсы российской китаистики». Говоря об этом, стоит учитывать, что слово «критика» в научном дискурсе используется в двух значениях: в расширительном, как глубокое рассмотрение какого-либо явления с целью его оценки; в узком — как выявление недостатков и ошибок, их разбор и доведение до общего сведения с целью высказать свою точку зрения. В данном случае представлено и то и другое.

И всё-таки, вопреки названию, достижения преобладают: из тридцати двух статей (не считая интервью) только в пяти содержится критика поступков и трудов коллег. Именно эти пять статей могут быть восприняты неоднозначно: кому-то понравятся, у кого-то вызовут протест, а то и неприятие, потому как упомянутые в них специалисты — личности известные, их вклад в науку неоспорим. Тем не менее автором начат серьёзный разговор на темы, которые ранее поднимать и обсуждать в работах по истории китаеведения не было принято.

Вообще-то выход такого труда — событие ожидаемое. Ведь многие работы по истории отечественного китаеведения и о китаеведах почти полностью лишены критического начала. В них перечисляются даты и хронологические рубежи в истории институтов, кафедр, отделов, в изобилии указываются имена людей, которые там работали, называются их важнейшие труды и занимаемые должности, характеризуется их вклад в науку, описываются наиболее значимые события научной жизни, в том числе и трагические, публикуются уникальные и малодоступные архивные документы и прочее, и прочее.

Добросовестно информируя обо всём этом читателя, авторы гораздо реже берут на себя смелость критически осмыслить результаты академической деятельности упомянутых ими учёных, не только изложить явные достижения, но и подвергнуть анализу заведомые

неудачи в различных сферах научной жизни: академической, педагогической, административной, общественной, культурной; выявить слабые места их работ; рассказать как о созидательных, так и о деструктивных действиях.

Представляется, что такой характер работ по истории синологии связан с тем, что большая часть из них носит мемориальный характер, будучи написана к памятным датам с целью возвеличить наиболее достойных или просто сохранить память о них. Складывается впечатление (буду рад ошибиться), что задача написать «критическую» историю отечественного китаеведения, особенно в XX в., ещё не была поставлена⁵.

Словом, критика в работах по истории китаеведения редка, ещё реже встречается осмысление причин ошибок, просчётов, неудач. Ни о какой их дискредитации речь, конечно же, не идёт. Напротив, задача заключается в том, чтобы выявить в наследии учёных то самое, что необходимо сохранить и развить, и то, от чего следует отказаться⁶.

Неслучайно в синологии принято по разным поводам обращаться к наследию академика В.М. Алексеева. Так и в данном случае. Важнейшей частью наследия В.М. Алексеева является его рефлексия,

⁵ Отсутствие критики имеет ряд последствий, например, не позволяет обрисовать психологический портрет учёного. Для жанра научной биографии уже с начала XX в. это важнейшее требование. Об этом подробно рассказано в книге одного из редакторов серии «Жизнь замечательных людей» Г.Е. Померанцевой «Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии» [42, с. 11–13].

Поэтому из общего ряда так выделяется статья И.С. Смирнова о Л.З. Эйдине, в которой при всём уважении к герою статьи заметно критическое начало, сообщающее ей взвешенность и объективность, а образу учёного — контрастность, ёмкость, целостность, человечность. Критические замечания несколько не унижают его как личность и не принижают его вклада в науку [50, с. 521–542].

⁶ Обратимся к опыту специалистов по «классическому Востоку». Предметом критического анализа могут стать идеи учёного [29, 28], научный спор двух выдающихся учёных [31], особенности творческой судьбы учёного, например, ненаписание главного труда жизни [30] и др. Анализируя работы В.В. Струве по Месопотамии, ассириолог В.В. Емельянов пишет о том, для чего необходимо выявление заведомых неудач крупного учёного: «В задачу данной статьи входит не только максимально полное описание материалов и идей каждой статьи, но и установление ценности работ учёного с точки зрения современной науки. В случае очевидных неудач автора работ мы попытаемся заново решить некоторые научные проблемы с привлечением всех существующих на сегодня лексикографических и грамматических источников». [14, с. 137].

которая зачастую основывалась на весьма нелицеприятной критике и научных трудов (историографии), и поступков отдельных людей. Примеры тому — его работы, заметки и отзывы, которые были собраны, заботливо и аккуратно изданы в книге «Наука о Востоке. Статьи и документы» (1982 г.) [2].

Изучая опыт В.М. Алексеева, можно увидеть, что критика — это и обобщение достижений, и выявление недостатков, а рефлексия — размышления о причинах их появления и путях преодоления. Любопытен его анализ «школы Васильева», который сочетает в себе не только признание значительного вклада В.П. Васильева в развитие синологии, но и серьёзное критическое начало, показывающее, какие черты его характера способствовали, а какие препятствовали развитию науки. Касаясь содержательной части работ В.П. Васильева и его педагогической деятельности, В.М. Алексеев всегда прямо отмечал достоинства и недостатки [2, с. 11, 56–68, 160–170]. И именно поэтому образ В.П. Васильева получает зримо ощущаемые черты университетского профессора, выдающегося учёного. Не менее поучительно и критическое осмысление достижений мировой синологии, представленное в лишь недавно изданном труде В.М. Алексеева «Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая» [3; 4]. Исключительно значимым событием стали публикации фрагментов его дневников [8].

Уровень рефлексии В.М. Алексеева в том виде, в котором он представлен в этих и других его трудах, был труднодостижим для советских людей, поскольку являлся проявлением иной, не свойственной им культуры. Последняя была порождением «серебряного века» с его стилем «модерн», для которого характерно стремление к решительному разрыву с прошлым и полному обновлению. Все последующие поколения, вошедшие в науку в 30-е гг. и позже, были лишены возможности делать свои размышления достоянием публичной сферы, а затем и сама эта привычка ушла. Страх не оставлял советских людей долго, от десятилетия к десятилетию менялась только его природа. У большинства советских китаистов всех послевоенных поколений, особенно имевших возможность выехать за границу, не было желания выступать с критикой чего бы то ни было. Может, именно поэтому так выделялся В.А. Рубин, который, стремясь покинуть СССР, не боялся говорить об этом открыто⁷. Прекрасные рассказчики и зна-

⁷ Он вёл дневник, который был издан в Тель-Авиве после его гибели [47]. Изначально китаеведческая составляющая в нём очень велика, но постепенно всё усиливается тематика отъезда из СССР; китаеведение само по себе не исчезает, но, по нашему мнению, острота мысли и глубина рефлексии о нём притупляется. См. [33].

токи прошлого отечественного китаеведения, сохранявшие преданность «классике», например, Б.Л. Рифтин и А.Н. Хохлов, дневников не вели и воспоминаний не оставили⁸. Потому не будет преувеличением сказать, что в современной российской синологии опыта, сопоставимого с опытом В.М. Алексеева, нет. Соответственно, продолжение работы над созданием образцов критики и рефлексии — одна из ощутимых потребностей современной отечественной китаистики⁹.

Поскольку о достижениях отечественной синологии сказано уже много, остановимся на тех статьях сборника, которые содержат в себе критику.

Первая часть

*Ses fluctuat nec mergitur
C'était pas d'la littérature
Georges Brassens*¹⁰

Интервью

Первая часть открывается большим интервью, которое в основном было записано ещё в 2013 г. в рамках международного проекта «Китаеведение — устная история». В нём автор говорит не только и

⁸ Мы здесь не берём в расчёт дневники, которые ведутся во время пребывания в стране. Они содержат ценный этнографический и исторический материал, но размышления их авторов касаются в основном текущей политической или культурной жизни Китая. Подняться до сколь-нибудь фундаментальных вопросов бывает крайне сложно. Одна из причин, на наш взгляд, в том, что советский китаист крайне редко бывал инициатором этих поездок — его либо «приглашали», либо «посылали».

Нишей для рефлексии может стать жанр рецензии. Отметим работу С.А. Комиссарова «О значении историографии в изучении библиографии». В ней автор открывает для себя и читателя: «При этом вдруг обнаружилось, что излагать критические замечания в отношении корифея науки получается только от первого лица, не прячась за спасительное „мы“». Конечно, добавим мы (я) от себя, ведь в таком случае возникает прямой диалог автора с классиком [25, с. 237].

⁹ Есть попытки художественного воплощения синологического опыта. Первая — её истории. Это роман-диалогия В.Н. Кривцова (1914–1979) «Отец Иакинф» [27]. Вторая — современности. Это опубликованные посмертно три романа Е.А. Торчинова, представляющие собой интересный и неожиданный опыт литературной фиксации впечатлений автора о жизни научной среды, в которой он пребывал: «Таинственная самка (трансперсональный роман)», «Апостолы дракона (алхимический роман)», «Китайская рапсодия (роман странствий и инициаций)» [6].

¹⁰ «„Колеблем, но непотопим!“ // Было начертано над ним» (Ж. Брасенс. Из песни «Les copains d'abord»).

не столько о себе, хотя жанр интервью этого не возбраняет (к тому же сейчас он — заведующий Отделом Китая в ИВ РАН), но и об окружающих его людях, о том, что пришлось увидеть, пережить, сделать. В итоге очерчивается картина отечественного китаеведения последних 40 лет.

Начав с воспоминаний о семье (с. 10–14), А.И. Кобзев переходит к временам своего профессионального становления на философском факультете в МГУ и в ИВ АН СССР. Каким-то чудом в 1970 г. в МГУ была набрана группа будущих философов-китаистов, в которую попал и он сам. Он упоминает своих преподавателей: Л.А. Никольскую, Л.Е. Померанцеву, Тань Аошуан, М.Л. Титаренко, В.Ф. Феоктистова, В.Г. Булова. Замечает, что идею изучать наследие минского философа Ван Янмина ему предложил В.Г. Булов, сам профессионально занимающийся историей китайской философии (с. 15–27). Особое внимание автор уделяет А.М. Карапетьянцу и созданному им направлению по изучению китайской научной мысли (системологии), центральную часть которой составляет изучение «Книги перемен» — «ицзинистика» (с. 27–29).

Автор показывает, что востоковедение является комплексной наукой, а китайская культура имеет мощнейший философский фундамент, поэтому специальное философское образование в синологии крайне важно. По мнению автора, «философия — царица наук и царица китайской культуры. И в синологии это важнейший предмет изучения» (с. 17). Первым философом-китаеведом по образованию был М.Л. Титаренко, но он перешёл на «практическую работу» и стал специалистом «по современности». Автор сетует на то, что вопреки успеху эксперимента с набором группы китаистов на философском факультете МГУ (многие её члены внесли значительный вклад в науку), он не был продолжен.

Очевидно, что став руководителем Отдела Китая в ИВ РАНе, автор столкнулся с проблемой кадрового голода. Сейчас подготовкой специалистов по истории китайской философии занимается сам А.И. Кобзев на базе РГГУ, двое из его учеников получили учёную степень и стали самостоятельными учёными. Возникает вопрос: означает ли отсутствие ориенталистской «классики» на философском, филологическом и историческом факультетах МГУ то, что востоковедение так и не обрело своего места среди классических университетских дисциплин?

В статье, таким образом, затронута важнейшая проблема подготовки китаистов-«классиков» различных специальностей. Уместно напомнить, что востоковедение — наука комплексная, совмещает «классическое» и «практическое» начала. И оба они тесно перепле-

тены. Создание в 1956 г. ИВЯ/ИСАА как отдельного факультета МГУ остроты проблемы подготовки исследователей «классики», на наш взгляд, не сняло¹¹. Ведь основная задача ИВЯ/ИСАА — подготовка высококвалифицированных кадров практических работников с университетским образованием и знанием современных восточных языков. Институт и создавался для того, чтобы обеспечить соединение классического и практического востоковедения. К настоящему времени цель эта — придать практическому востоковедению академический характер — достигнута. Но, очевидно, не менее важно поддержать и классическое направление. Отсюда всё ещё актуален вопрос: на какой базе развивать классическое востоковедение? Если — в ИСАА как факультете МГУ, то тогда, видимо, было бы целесообразно структурно разделить востоковедение на фундаментальное (классическое) и практическое (прикладное).

Впрочем, вопросы не новы. Об этом же писал В.М. Алексеев в своих воспоминаниях о годах учёбы в Санкт-Петербургском университете, где на классическом факультете также готовили китайцев для практической работы¹².

Далее А.И. Кобзев делится воспоминаниями о начале своей работы в ИВ АН СССР, подчёркивая особую роль в развитии синологии и в научной судьбе его самого Л.П. Делюсина, тогда заведующего Отделом Китая. Л.П. Делюсину удалось создать благоприятную атмосферу в коллективе, он последовательно поддерживал все направления исследования Китая, в том числе и «классику» (с. 29–31). Благодаря усилиям его и других коллег в 1970 г. был дан старт самому яркому коллективному проекту отечественных китаеведов — ежегодной конференции «Общество и государство в Китае».

Автор вспоминает о том, что в 80-е гг. он организовал в Институте востоковедения популярный семинар «Структурные исследования китайской классики» (с. 29), на котором царила творческая

¹¹ В МГУ существовало Восточное отделение на филологическом факультете в составе тюркской и иранской филологий (с 1943), Отделение истории стран Востока (с 1944) и кафедра китайской филологии (с 1953).

¹² В частности, в 1935 г. он писал: «Этот факультет (восточных языков С.-Петербургского университета. — М.У.), история которого столь подробно и блестяще написана акад. В.В. Бартольдом, как известно, имел довольно сложную и в общем противоречивую конституцию, ибо, с одной стороны, это был факультет университета и, как таковой, должен был жить общеуниверситетской жизнью науки, с другой же — это было учреждение восточных языков, нужное правительству для выработки дипломатов и администраторов» [2, с. 7].

атмосфера, и, казалось, вот-вот произойдёт прорыв в изучении основополагающих памятников общественной мысли Древнего Китая. Позднее аналогичный семинар в ИСАА вёл А.М. Карапетьянц, которому тогда как никому в синологии удалось приблизиться к созданию школы. В науку вошло несколько ярких молодых учёных с непривычными для советской китаистики темами: их исследования были посвящены древнекитайской философии, текстологии, ицинистике, китайской медицине, нумерологии, эротологии; ими разрабатывались методы структурного и количественного анализа текстов памятников. Статьи этих учёных обеспечили исключительную привлекательность сборников докладов и тезисов конференции «Общество и государство в Китае» второй половины 80-х гг. И большая в том заслуга самого автора книги как одной из ключевых фигур этого коллектива. Создавалось новое, полностью погруженное в «классику» направление, на фоне которого размышления об общественном строе, рабстве и способах производства в Древнем Китае становились менее идеологизированными и принимали вполне академический характер.

Интересны воспоминания А.И. Кобзева о защите кандидатской диссертации (с. 31–32). Много о нём как специалисте можно узнать из рассказа о направлениях его исследований (с. 32–43). Захватывает описание поездки автора в Китай в 1990–1991 гг. (с. 45–53).

Далее в интервью затронута ещё одна очень важная для научного сообщества проблема, связанная с организацией и успешной реализацией крупных научных проектов. А.И. Кобзев делится своим опытом (с. 53–65). По его мнению, серьёзный академический проект должен быть коллективным. Уже в 80-е гг. им отработана схема: «смелый научный проект — актуальная тема — целевое финансирование — стратегическое решение — практические достижения» (с. 56).

Автор упоминает о нескольких таких проектах. Первый, предметом изучения которого была китайская эротология, может показаться эпатажным. Да так оно, вероятно, и было, если вспомнить эпоху — 80-е гг. XX в. Но завершён он был уже в другую эпоху — в 1993 г.; итогом стало появление уникальной книги «Китайский эрос» [17]. Последовали и другие проекты: энциклопедический словарь «Китайская философия» (1994 г.), шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая» (2006–2010). Из интервью видно, что, переходя от реализации одного проекта к другому, важно не останавливаться, последовательно повышая планку. В 2011 г. последний проект увенчался получением Госпремии (с. 62–64). Добавим, что в 2016 г. завершился ещё один крупный многолетний проект — увидело свет академическое издание первого в России полного перевода романа «Цзинь, Пин, Мэй», в основе которого лежит выполненный ещё в 60-е годы труд В.С. Манухина (1926–1974) [59].

Как видно из примеров, приведённых автором, для организации и успешного завершения проектов требуются творческая инициатива и упорство исполнителей, умелое научное руководство, административная поддержка, профессиональное издательство.

Завершается интервью серией размышлений о сущности понятия китаеведения (с. 66–67), об особенностях китаеведения на Западе и в России (с. 67–69), о судьбах отечественных китаеведов (с. 70–71), о дальнейших перспективах китаеведения (с. 71–82). В конце интервью подчёркивается государственная значимость в нынешних политических и культурных условиях всестороннего изучения Китая и китайской цивилизации (с. 81–82).

В следующих работах говорится о достижениях отечественной синологии; автор расположил их по принципу от общего к частному. В ряде статей, опубликованных ранее в томах энциклопедии «Духовная культура Китая», характеризуется пройденный российской китаистикой путь: «Российская китаистика» (2009), «Изучение в России естественнонаучной традиции Китая» (2009). Ещё одна группа статей обращается к изучению общественной мысли: «Судьба „Великого учения“ („Да-сюэ“) в России» (2006, 2013, 2014); «Российская китаистика и *summa sinologiae*» (2006; 2013) — об энциклопедии «Духовная культура Китая». Эта тема получает развитие: ставится задача продолжения работы над фундаментальным китайско-русским словарем — «Словарные предпосылки перевода и интерпретации китайской философской классики» (2011). Для истории отечественного китаеведения большой интерес представляет статья о результатах работы отечественных китаистов, прежде всего Отдела Китая: «Полувековая традиция в России изучения тысячелетних традиций Китая» (совместно с А.Д. Дикарёвым, 2014), в которой говорится о ежегодной конференции «Общество и государство в Китае», и по сей день сохраняющей своё значение основного форума синологов нашей страны.

От достижений к критике. Две статьи о работах Л.С. Переломова

Две завершающие статьи первой части посвящены критике состояния дел в современной академической синологии и выявляют то, что мешает её дальнейшему развитию. В первой объектом критики выбран один из томов десятитомной «Истории Китая» — проекта, который должен был стать основным достижением российской китаистики последних лет, а во второй — труды ответственного редактора этого тома.

В названии первой статьи — «История Китая как зеркало русской китаистики» (2014) — очевидна отсылка к работе В.И. Ленина, что не без иронии намекает на общую оценку положения дел. Вторая, судя по заголовку, вступает с ней в переключку, но несёт в себе уже иной и отнюдь не только иронический заряд: «Зазеркалье отечественной китаистики, или Спрут с глинозёма, будды-грибы и козлиная песнь» (2015).

Первая статья проникнута недоумением: как же можно было в новой десятичной академической (!) истории Китая собрать целый том из своих работ 50-х — 80-х гг., никак их не «освежив». Тон второй статьи наполнен сарказмом¹³. Зеркало не отразило всей действительности, надо показать зазеркалье. Очевидно, ожидания автора не оправдались, ответа на поставленные вопросы не последовало, и нужно было сказать о чём-то важном, но уже иными словами.

В обеих статьях критика персонифицирована, её адресат — один из старейших синологов Л.С. Переломов (род. 1928). В первой статье критике подвергнута его работа как ответственного редактора второго тома «Истории Китая», то есть автора концепции, несущего ответственность за результаты всего труда. Хотя, конечно, и другие из числа ныне здравствующих авторов, чьи труды были включены в этот том, тексты свои подновлять не стали¹⁴.

Во второй статье содержится критика Л.С. Переломова как автора перевода «Лунъюя» (собрания изречений Конфуция), центрального памятника китайской культуры, и серии монографий о самом Конфуции и конфуцианстве. Отмечая, что издание перевода памятника претендует на то, чтобы занять место основного перевода в национальном востоковедении, автор показывает, почему этого не произошло. В этих двух статьях встречаются также имена Б.Б. Виноградского и А.А. Маслова (с. 211), публичные выступления и печатные труды которых нередко дают повод для критики. Критических оценок в обеих статьях удостоился и В.В. Малявин.

Рассматривая труды Л.С. Переломова, А.И. Кобзев выполняет такой их критический разбор, в рамках которого не просто выявляются неточные и сомнительные места, а даётся критика самого подхода к работе, в силу которого стали возможны те проявления, которые он

¹³ Материалы обсуждения второго тома «Истории Китая» опубликованы в одном из сборников ОГК в 2014 г. [51, с. 462–615].

¹⁴ Специально для тома были написаны два раздела: один по даосизму А.Г. Александяном (с. 116–137), другой по политической истории Западной Хань В.М. Майоровым (с. 239–257). Всего около 40 из 640 страниц.

считает неприемлемыми для трудов по «традиционному Китаю» в рамках «классического» направления.

В первой статье не случайно второму тому «Истории Китая» уделено столь много внимания. Он самый важный с точки зрения описания становления китайской цивилизации, формирования её фундаментальных основ. Возможность участвовать в больших многотомных историях выпадает на жизнь далеко не всех специалистов. Если посчастливилось, то каждый сам решает, как выполнить поставленную задачу. Можно предложить нечто новое, можно упорядочить и систематизировать уже наработанный материал, а можно просто механически скомпилировать написанные ранее работы. Авторы первого, третьего и четвёртого томов «Истории Китая» пошли по первому пути, не отметая, конечно, и второй вариант, поскольку «нельзя объять необъятное». А вот авторы второго тома выбрали третий путь. К чему это привело, и рассматривается А.И. Кобзевым в данной статье.

Начало её необычно. Перечисляются имеющиеся истории Китая и основная справочная литература на разных языках, прежде всего на русском, которые выходили с конца XIX в. Подчёркивается, что «в силу большей изученности и традиционного синологического приоритета гораздо более детальное и глубокое освещение в отечественной литературе получила древнейшая и древняя история Китая» (с. 160). Упоминается и о том, что к выходу тома было завершено издание полного перевода основного источника по истории древности, «Исторических записок» Сыма Цяня, и ряда других значимых памятников. Такое начало необходимо для того, чтобы показать общий фон, на котором создавался второй том. Напомним, что в нашей стране есть все предпосылки для написания фундаментальных работ по древней истории Китая.

Автор обращает внимание на любопытное явление — все монографии, тексты которых составили второй том, для своего времени «отличались научной добротностью», но их механическое сведение показало, что все они требуют существенной доработки, поскольку с тех пор наука шагнула далеко вперёд, а они «базировались на идеологической и фактологической базе совершенно другой эпохи». Досадно, что без внимания остались работы уже двух поколений российских учёных, вошедшие в науку за последние двадцать (!) лет [54].

В статье показано, что сама идея такой компиляции чревата большим числом упущений (с. 162). А.И. Кобзев обращает внимание на непропорциональность частей, посвящённых разным историческим эпохам: Чжаньго, Цинь, Западной и Восточной Хань; о несоблюдении хронологической последовательности в размещении материала, о неоправданной диспропорции в описании различных

аспектов (с. 163–164). Касается он и упущений с точки зрения научного аппарата тома: неточность и отсутствие унифицированности перевода важнейших культурных категорий (с. 166), неполные, путанные, противоречивые пояснения важнейших терминов, игнорирование научных достижений последних лет (с. 189–195); несоответствие иллюстраций тексту и неточные подписи к ним (с. 187–188); неточности в списке авторов тома и в библиографии, их несоответствие реальному содержанию книги (с. 188); неполнота и неточности в указателях (с. 192). Отмечаются несостыковки материала, возникшие при механическом компилировании (с. 194–195).

Заслуживает внимания разбор переводов названия труда, в котором собраны высказывания Конфуция, — «Луньюй». Автор замечает, что Л.С. Переломов незаслуженно обошёл этот вопрос. Сам он вместо устоявшегося «Беседы и суждения» предлагает свои варианты: «Обсуждённые речи», «Речи, [содержащие] суждения [в споре устанавливающие истину]», «Теоретические речи» (с. 165–166). Здесь, на наш взгляд, затронута интересная проблема: может ли научное сообщество выработать единый перевод названия классического памятника и будет ли он принят в общекультурном обиходе.

Заканчивается статья критическим разбором устных и письменных выступлений В.В. Малявина. Выбраны те его фрагменты, которые переключаются с тематикой второго тома «Истории Китая» и проблемами, которые были выявлены в ходе его рассмотрения (большая вставка на с. 196–211).

В результате автор приходит к выводу, что «Л.С. Переломов взялся за дело безо всякого желания и под давлением обстоятельств, а потому отнёсся к нему скрепя сердце и формально, безынициативно и неколлегиально» (с. 211–212). По мнению А.И. Кобзева, это «скорее беда, чем вина» Л.С. Переломова и объясняется она тем, что написание тома было «монополизировано ИДВ РАН», который в целом специализируется на новейшей истории.

Опубликовав эту статью, автор, видимо, рассчитывал получить отклик от оппонента. Тем более что в ней, написанной в довольно нейтральном тоне, было поставлено много важных вопросов. Но академического ответа не последовало. Напротив, где-то на просторах сети (на сайте ИДВ РАН) мелькнула заметка Л.С. Переломова с броским публицистическим названием «Зияющие высоты нравственного падения», которая была воспринята А.И. Кобзевым как «непристойный пасквиль». Такая неадекватность ответа и общая ситуация в китаистике побудили автора написать вторую статью в уже более резких тонах и более прямолинейную в оценках оппонента.

Стоит упомянуть все затронутые в ней темы, поскольку они показательны. Начинается статья напоминанием о публикации материалов обсуждения второго тома в Отделе Китая ИВ РАН в 2014 г. и о том, что рассмотренная выше статья, по сути, говорит о «катастрофических явлениях в классических направлениях синологии» (с. 213). По мнению автора, для поддержания качества работ синологов-«классиков» на должном уровне необходимо не просто беспристрастное рецензирование, а «критическая критика» как форма научного контроля¹⁵.

Говоря об отношении к критике, А.И. Кобзев сослался на пример, приведённый Г.В. Мелиховым: даже С.Л. Тихвинский в своё время стойко воспринимал и учитывал острейшую критику при обсуждении редактировавшейся им «Новой истории Китая» (с. 216). Напоминает он и о том, что и сам Л.С. Переломов в былые годы выступал с острой критикой, в том числе разделов по истории Китая в «Истории Древнего Востока» В.И. Авдиева (с. 216–217). Далее А.И. Кобзев подробно, может быть даже чересчур, рассуждает о «тотальной противоречивости» Л.С. Переломова (с. 218–220), об аляповатости его «звания-прозвища» Московский Конфуций (с. 218), о преувеличении им своей роли в судьбе китаиста и дипломата С.Н. Гончарова (с. 219–220). Переключается на его «действительного протеже» А.А. Маслова, который в публикациях и публичных выступлениях позволяет себе удивительные неточности и нелепости (с. 220–221). И вновь возвращается к своему главному герою, разбирая его спорное суждение о Чжу Си (с. 221–222), приводя неточности в отдельных фрагментах его перевода «Лунъюя» (с. 222–223), критикуя непонимание им фундаментальных оснований философии (с. 224–225), безосновательное приписывание коллеге А.С. Маргынову введения в отечественное конфуциеведение сведений о Су Дун-по (с. 225), неверное толкование понятия хэ «единство» (с. 225–227). Приводит примеры «небрежения русским языком»: ошибки в печатных работах и устных интервью (с. 227–229), говорит о том, в какой форме отсутствие фундаментальных представлений о сути философии проявилось в работах о Конфуции и конфуцианстве (с. 229), о недостатках перевода Л.С. Переломовым «Лунъюя», в том числе об отсутствии «критики текста» (с. 230), игнорировании текстологического исследования — сравнения с различными ксилографическими и эпиграфическими вариантами (с. 231), игнорировании большого числа классических комментариев (там же) и ряда переводов на европейские языки (с. 232–233),

¹⁵ Отсылка к работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Критическая критика как спокойствие познания, или Критическая критика в лице г-на Эдгара».

вновь возвращается к переводу названия, но уже более основательно, чем ранее (с. 233–240), а затем — к неточностям в переводе (с. 240–241), описывает искажение подхода В.С. Спирина к анализу структуры текста источника (с. 242–243), высказывается о переводе «Лунь-юя» А.А. Маслова (с. 244), о терминологических ошибках Л.С. Переломова в его переводе (с. 245–246), о незнании им устройства китайского календаря (с. 247–250), о переводе имени Конфуция (с. 251–254), о неуместной в данной работе критике Линь Бяо (с. 255–256), о конъюнктурном искажении своей собственной биографии (с. 256–257). Затем А.И. Кобзев возвращается ко второму тому «Истории Китая» и приводит новый список неточностей (с. 258–261). Далее делает вывод о том, что в результате такого подхода «один из главных канонов Китая „Лунь юй“ в очередной раз оказался не только непонятым, но и грубо опошленным тщеславной отсебятиной...» (с. 262), критикует оппонента за использование незначущих пустых слов и фраз (с. 262), сравнивает его слова с высказываниями «московского Лао-цзы» Ян Хин-шуна (с. 263–264), говорит о вкусовой неразборчивости оппонента в оформлении своих книг (с. 265–266). Вновь возвращается к вопросу об ошибочном переводе одного из терминов (с. 267–270), показывает противоречивость поступков в отношении создания Русского конфуцианского фонда (с. 271). Затем упоминает о такой же противоречивости высказываний В.В. Малявина (с. 271–272), парируя некоторые обвинения в свой адрес (272–273), уличает его переводы в неряшливости (с. 274–275), выступает с ответной критикой В.В. Малявина за отрыв от действительности и искажение в публичных высказываниях ситуации в современной российской китаистике (с. 276–277). В итоге второй том «Истории Китая» видится автором как отражение того состояния, в котором пребывает российское китаеведение в целом (с. 277–250).

Казалось бы, автор излишне дотошно, даже мелочно перебирает ошибки, неточности, опiski, оговорки и пр. Однако благодаря такому перебору видно, что повторяющиеся ошибки вызваны порочностью самого подхода к выполнению научных задач. Автор доказывает, что такой подход неприемлем для академической науки, противоречит задачам «классики», чреват ошибками и нелепостями.

Стиль этих двух статей местами резок, ритм рван, язык язвительен. Первое впечатление — отсутствие явной структуры. Но ведь автор взялся дать панораму, а значит, нужны не расплывчатые мазки, а чёткие, резкие штрихи, которые обозначат контуры основных явлений, выведут из тени скрытые, дотоле незамеченные явления. В действительности тексты обладают своей внутренней структурой, к

сожалению, не выявленной с помощью подзаголовков, которые бы сделали её наглядной.

В каждой из этих статей подняты важные проблемы, которые относятся к разным сферам академической жизни. Остановимся на двух из них: особенностях научной среды в синологии и культуре ведения научной полемики.

Первая проблема касается последствий для китаистов отхода от «классики» в область «обществоведения» и потерь при возвращении к «классике»¹⁶. Эта же проблема будет затронута в ещё одной статье сборника, посвящённой поздним ученикам В.М. Алексеева — литературоведам Н.Т. Федоренко и Л.З. Эйдлину.

А.И. Кобзев показал, что в работах Л.С. Переломова по конфуцианству проявилось противоречие между «обществоведческим» подходом и требованиями академической науки при выполнении задач «классического» востоковедения. В статье упоминается, что становление Л.С. Переломова как специалиста, занимающегося «классикой» — изучением истории Древнего Китая, происходило в ИВ АН. Но с внешне мотивированным переходом в 1971 г. в ИДВ АН он оказался в среде «обществоведов» и «практиков», будучи на новом месте работы вовлечён в критику маоизма и т.п. (с. 216–217). В такой ситуации исследователь сначала подходит к выполнению «обществоведческих» задач с тщательностью и основательностью, присущими работам по «классике», но затем наступает обратный эффект — методы и подходы «обществоведов» начинают переноситься на вопросы, имеющие отношение к «классике».

Опыт, в том числе и описанный в статье, показывает, что компромисс здесь едва ли возможен: оставляя «классику» во имя «обществоведения», специалист попадает в иную культурную среду, устроенную по иным законам, где решаются иные задачи иными методами. Если востоковед-«классик» (ассиролог и египтолог) застрахован от этого, поскольку изучает «мёртвые» культуры, то китаист (подозреваю, что индолог и иранист тоже) — нет, поскольку

¹⁶ Обществоведение — в советское время комплексная дисциплина, содержащая «основные выводы марксистско-ленинской науки об обществе и законах его развития, о социализме и коммунизме» [35, с. 3]. Здесь и ниже в статье, противопоставляя одно другому, мы исходим из того, что задачи историка или литературоведа «классика» и историка или литературоведа «обществоведа» различаются в принципе. Первые занимаются поиском пресловутой истины, а вторые, как декларировал С.Л. Тихвинский, исходят из того, что «история всегда была наукой мировоззренческой, обслуживающей политические и идеологические запросы общества» [52, с. 366].

изучает пусть и очень древнюю, но «живую» культуру. В результате он не только неизбежно теряет особые навыки осмысления прошлого, но и утрачивает некие культурные инструменты, которые необходимы для того, чтобы оставаться в «классике». Невольно усвоенные в «обществоведческой» среде привычки препятствуют глубине и тонкости подходов, которые столь необходимы для работ по «классике», и, напротив, придают им налёт конъюнктурности и пустословия.

В рассмотренном случае всё это привело к совмещению несовместимого — биографии Конфуция и политических проблем КНР, перевода канонического произведения и байдарочного похода (указанного в эпиграфе к переводу), соположение Конфуция и основателей мировых религий, отнесение «Луньюя» к числу «священных книг» (как «Библии, Корана или Бхагавадгиты») и пр.

Публикация этих двух статей в одном сборнике, на наш взгляд, актуализирует ещё одну проблему отечественной синологии, связанную с вопросами культуры научной полемики. Первая статья вполне могла быть воспринята как предложение начать полемику. Но дискуссия не задалась. Как известно, если обиды множатся, то ошибки не устраняются. Став объектом критики, специалист стоит перед выбором: вступать в дискуссию или нет, принимать «вызов» или нет. Ведь «всё равно никому ничего не докажешь». Да и не всегда хочется полемику вести, непросто выкроить время, и душевных сил требуется немало, чтобы ответить спокойно и по делу.

Историки науки отмечают грань между ведением научного спора и сведением личных счётов¹⁷. Очевидно, что если слова критики носят корректный и конструктивный характер, то они могут быть услышаны. Научная полемика, если она не выходит за границы научной этики, несёт в себе значительную познавательную ценность.

Признавать ошибки — благородно. Но может случиться так, что критикуемый не считает ошибочными приведённые данные или сделанные выводы. В таком случае можно обратить внимание критика на идеи им незамеченные. А высказанная идея — это индивидуальный взгляд на проблему, это авторская точка зрения, которая

¹⁷ Например, анализируя научную полемику И.М. Дьяконова с В.В. Струве, С.Б. Крих пишет: «Как самих историков, так и их читателей нередко интересует вопрос: какова мера принципиальности в научном споре? Где та грань, которая отделяет столкновение идей от борьбы людей? По опыту мы знаем, что личные симпатии и антипатии — важная часть повседневной деятельности учёных, однако их реальное влияние на ход научных исследований оценить гораздо сложнее, если речь идёт не о размытых формулировках, а о верифицируемом знании» [31].

не может быть названа ошибочной только на том основании, что расходится с мнением критика. Ведь регистрируя мелкие ошибки и неточности, легко упустить мысли значимые. Зачастую критики выступают с советами, что и как надо было делать. В таком случае в ответе можно объяснить, в чём заключался авторский замысел, и попросить перечитать критикуемую работу повнимательнее.

То, что у участников полемики различные взгляды на одну и ту же проблему, различные подходы, — вполне естественно. Каждый имеет право на свою точку зрения. Особенно если он в состоянии её обосновать.

В этих двух статьях автор, расширяя устоявшиеся границы критики, порой, как кажется, «перегибает палку», но эти «нарушения границ» и призваны показать в будущем, где же должна проходить граница конструктивной критики. Таким образом, вопрос, как пробуждать научную дискуссию, как её вести, как формулировать слова критики и как на эту самую критику реагировать и отвечать, всё ещё остаётся открытым. Но он поставлен. И это очень важно.

Такого рода критика известного и уважаемого синоведа на общем приподнято-торжественном фоне описаний истории отечественной китаистики — явление непривычное. Но доводы автора убедительны, и их много, нарочито, подчёркнуто много. Настолько, что встал вопрос сохранения репутации учёного, которая сложилась в годы научной молодости благодаря трудам по изучению древности, то есть «классики», и поставлена под угрозу в годы научной зрелости в результате попыток совместить несовместимое — «классику» и «обществоведение»¹⁸.

Вторая часть

Большинство работ этого раздела также посвящены достижениям и памяти ныне умерших коллег, и лишь три — критике. В начале автор помещает биографии двух выдающихся учёных: Н.Я. Бичурин, которого он называет «отцом российской синологии», и философа В.С. Соловьёва. Эти статьи — «Отец российской синологии Н.Я. Бичурин» (2007) и «Синологическое пророчество Вл. Соловьёва» (1984–2016 гг.) — отражают два дискурса книги: истории синологии и изучения философии.

¹⁸ Это сразу было зафиксировано в крупнейшей открытой онлайн-энциклопедии *Википедия* ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Переломов, Леонард Сергеевич](https://ru.wikipedia.org/wiki/Переломов,_Леонард_Сергеевич))

В последующих трёх статьях рассказывается об учениках В.М. Алексеева разных поколений. Среди них выделяются Н.И. Конрад и Ю.К. Щуцкий, которым посчастливилось войти в науку ещё в 10-е и 20-е гг. XX в. Они были из другого исторического времени, нежели остальные поколения учеников. Это предопределило особые отношения с ними В.М. Алексеева. Героями ещё одной статьи, наряду с Н.И. Конрадом, являются С.Л. Тихвинский, Н.Т. Федоренко, Л.З. Эйдлин — «ученики» 30-х и 40-х гг., которым удалось благополучно пережить годы репрессий и войны и занять видное место в советском китаеведении. Автор ставит своей задачей описать жизненный путь этих его «учеников» через призму их отношения к В.М. Алексееву при жизни, а затем — к его научному наследию и к другим ученикам после его смерти.

Ряд статей второй части сборника посвящены не истории науки, а науке как таковой. Статья «Ван Ян-мин в России и единство философии с историей философии» занимает в сборнике особое место, поскольку философия — специальность автора и анализ идей Ван Ян-мина, философа эпохи Мин, относится к его узкой специализации. А из работы «Новое о старых переводах Ван Ян-мина» мы узнаём, как неожиданно открылось, что первый в нашей стране перевод трёх эссе этого философа был сделан В.М. Алексеевым (с. 414).

Ещё одна группа статей посвящена трём специалистам, изучавшим историю китайской философии: «Знаток секретов древнего Китая — антисоветский синолог В.А. Рубин» (1991–1993), «Основоположник синологической структуралистики в России В.С. Спирин» (2009–2014), «Российская системология китайского хаоса и космоса в трудах А.М. Карапетьянца» (2015).

Внутри этих двух групп статей помещены две работы, для которых характерно ярко выраженное критическое начало. Первая — «Забывшие переводы „прогрессивной“ китайской классики» (2016) — поднимает проблему авторства переводов трудов учёных XIX–XX вв. (Гун Цзы-чжэня, Лян Ци-чао, Чэнь Цю), опубликованных А.И. Кобзевым в третьем томе «Архива российской китаистики». Здесь выдвинуты предположения, что эссе Гун Цзы-чжэня перевёл В.Ф. Фектистов, а для перевода трудов Лян Ци-чао и Чэнь Цю С.Л. Тихвинский «пользовался услугами какого-то русскоязычного эмигранта в Китае или репатрианта оттуда, коих в послевоенное время в его распоряжении было предостаточно» (с. 427).

Во второй статье автор обращается к трудам своего коллеги по исследованию «Ицзина» — «Русская логомахия А.А. Крушинского вместо китайской логики» (2013). Помещена она во вторую часть по родству тематики — в ней идёт речь о методологических основах

традиционной китайской философии. Но по духу она примыкает к статьям с критикой работ Л.С. Переломова. Статья написана в научно-публицистическом жанре памфлета-обличения и замыкает собой цикл критических статей. В ней наиболее ярко выражены и элементы теоретического спора, полемика ведётся вокруг сугубо философских проблем. Очевидно, что автор и его герой придерживаются разных точек зрения на базовые вопросы интерпретации «Книги перемен» и основные категории китайской философии.

Заключительную часть книги, мемориальную, составляют статьи, посвящённые памяти ушедших из жизни старших коллег автора.

Остановимся на статьях, в которых рассматриваются судьбы «учеников» В.М. Алексеева разных поколений: Н.И. Конрада (1891–1970), Ю.К. Щуцкого (1897–1938), С.Л. Тихвинского (род. 1918) и в особенности — Л.З. Эйдлина (1909/1910–1985) и Н.Т. Федоренко (1912–2000). В них затронут целый ряд исключительно важных проблем, которые стоит обсудить.

История синологии XX в.: три поколения учеников академика В.М. Алексеева

Et l'on regrette

Il est trop tard.

*Sa jeunesse*¹⁹

В двух первых статьях этой части сборника на примере биографии Ю.К. Щуцкого, выдающегося учёного, чьё творчество и сейчас остаётся одной из вершин российской синологии, автор напоминает о судьбах специалистов, которым довелось жить и умереть в 20–30 гг. XX в. Первая статья — «Победа синих чертей». В её основе лежат три биографические работы, написанные в 1989–2000 гг.²⁰ Она проникнута восхищением Ю.К. Щуцким и уважением к нему.

Вторая статья — «Сошествие в советский ад фра Щуца из Ордена тамплиеров (новое о Ю.К. Щуцком)» в своей основе имеет две работы, опубликованные в 2013 г. Из статьи становится ясно, что Ю.К. Щуцкий по природе своей не мог заниматься никаким «обществоведением», что он вырос как «классик» и мог оставаться таковым только в академической среде, исследуя «классику». А.И. Кобзев

¹⁹ «И мы сожалеем о том, // Но слишком поздно». Слова из известной французской песни «Юность» (Ш. Азнавура. — *Отв. ред.*).

²⁰ А.И. Кобзеву принадлежит целый цикл работ о Ю.К. Щуцком [18–24].

показывает, насколько остро ощущалось Ю.К. Щуцким истончение культурной среды. И в своих поисках этой среды он сблизился с носителями традиции мистицизма «серебряного века» — антропософами. Неслучайно в статье большое значение придается его отношениям с Е.И. Васильевой (1887–1928), одной из героинь той эпохи, известной под псевдонимом Черубина де Габриак (с. 313–314). Автор делает предположение, что именно её смерть заставила его взяться за выполнение предложенной научным руководителем задачи исключительно непростой — за перевод и изучение самого сложного памятника китайской культуры, «Книги перемен» (с. 321).

И задача эта была выполнена. Но измениться, как-то приспособиться к эпохе победившего социализма он не мог и не хотел. Для этого пришлось бы отказаться от культурного наследия, принять «правила игры», навязанные обществу в 30-е гг. Прими он эти правила, вряд ли работа по переводу и изучению «Книги перемен» была бы завершена. Но он не принял. Тем самым арест и гибель стали неизбежны²¹. А главный его труд был опубликован Н.И. Конрадом с сокращениями в 1960 г. и полностью самим А.И. Кобзевым в 1993 г.

На фоне трагедии жизни Ю.К. Щуцкого критические разборы работ синологов, пытающихся скрещивать «классику» с «обществоведением», обретают дополнительные смысловые оттенки.

Следующая статья — «Бесогон монаха Аликэ, или Параллельные миры в синологии» — родилась из четырёх публикаций 2013–2015 гг. Она содержит критический разбор действий ряда учеников академика В.М. Алексеева. Многие достижения, положительные моменты в жизни и творчестве самого В.М. Алексеева и близких ему по духу и культуре учеников были замечательно описаны в работах М.В. Баньковской, его дочери²². В них же очерчивается деятельность В.М. Алексеева по созданию научной «школы». Критических оценок удостоились только те, кто совершал по отношению к нему заведомо неблагоприятные поступки [8].

В данной статье всё сложнее. Критике подвергаются поступки его учеников, поднявшихся на вершины научного Олимпа. Автор показывает, что биографии учёных нельзя описывать только в светлых или только в чёрных тонах. Жизнь учёных, прежде всего тех, биография и научное наследие которых представляют интерес для потомков, наполнена разными событиями, порой обстоятельства бывают сильнее человека, а порой проявляет себя и его характер, и

²¹ Об этом рассказывается в работе М.В. Баньковской 1993 г. [7, с. 403–436].

²² См. Хронологический список трудов М.В. Баньковской [9, с. 483–486].

если он не сможет с ним совладать, то жертвой становятся и сам человек, и направление, к которому он принадлежит.

В рассматриваемой статье затрагивается вопрос о такой важной части научного наследия В.М. Алексеева, как будущее созданной им «школы». Поэтому именно она, на наш взгляд, занимает в сборнике центральное место и составляет её основной «нервный узел». В статье собран ценный для размышлений о судьбах науки и учёных материал.

Автором отобраны те из учеников, которые в отличие от Ю.К. Щуцкого новые «правила игры» приняли. Один из её героев пытался приспособить старую культуру к новым требованиям (Н.И. Конрад), другие сами приспособились к новым условиям бытия и действовали по общим правилам (Н.Т. Федоренко, Л.З. Эйдлин, С.Л. Тихвинский).

Пытаясь восстановить умолчания и исправить искажения фактов, А.И. Кобзев реконструирует обстоятельства их взаимодействия с В.М. Алексеевым при его жизни, а затем между собой и с другими учениками после его смерти. Сообразно этому статья делится на две части.

В первой части очерчиваются линии жизни В.М. Алексеева и Н.И. Конрада, людей почти одного поколения. По мнению автора, эти двое учёных заслуживают сравнительного жизнеописания не менее, чем герои античного мира. Действительно, Н.И. Конрад по отношению к современному отечественному японоведению является тем же, кем В.М. Алексеев — по отношению к китаеведению, но оценки его востоковедами более сдержаны, хотя вклад в общенациональную культуру, безусловно, более значим, а критические замечания в отношении ряда его научных работ более острые²³. Почему?

Н.И. Конрад принадлежит к первому поколению учеников В.М. Алексеева, он — его младший коллега. Будучи всего на десять лет моложе, он застал Алексеева ещё в статусе молодого учёного (с. 331). Н.И. Конрад готов был идти на компромиссы. В 30-е гг. ему досталась тяжёлая участь принять установки власти, навязанную научной среде этику поведения и, приспособившись к требованиям новой эпохи, растить кадры и продолжать научную работу. Ему пришлось тяжелее всех — старшее поколение могло не замечать революционных изменений, жить в своём мире и даже бравировать

²³ Достаточно вспомнить, что Н.И. Конрад был членом редколлегии серии «Литературные памятники» со времени её основания в 1951 г., с 1960 г. — заместителем председателя редколлегии, а с ноября 1962 г. — её председателем и оставался им до последнего дня жизни. См. <http://litpamyatniki.ru/library/12>. О нём см. [5].

этим, а молодёжь, выросшая в середине 20-х гг. при «советской власти», воспринимала действительность как само собой разумеющееся, для них вопрос, принимать существующий порядок вещей или нет, не стоял.

Автор напоминает, что когда началась травля В.М. Алексеева, в ней так или иначе приняли участие некоторые из числа близких ему учеников: Б.А. Васильев, А.А. Драгунов (1900–1955) и П.Е. Скачков (1892–1964). Критические выпады в его адрес на общем собрании Актива ИВ АН СССР 7 июня 1938 г. позволил себе и Н.И. Конрад (с. 329). Впрочем, это ему не помогло. Ареста он не избежал (с. 334). Но ведь было и другое: В.В. Струве открыто встал на защиту В.М. Алексеева, а А.А. Штукин так и вовсе покинул зал заседания (с. 334, 344). Выступление привело к охлаждению в отношениях с В.М. Алексеевым и его семьей, что, очевидно, тяготило Н.И. Конрада всю оставшуюся жизнь. Арест и годы, проведённые в тюрьме-лагерешарашке (1938–1941), судя по тону писем, так и не оправдали его в их глазах (с. 339). В переписке Н.И. Конрад намекал, что преемником должен стать именно он. Но судя по всему, В.М. Алексеев и члены его семьи склонны были считать таковым Л.З. Эйдлина (с. 339–340). О судьбе «алексеевского наследия» говорится в следующей части статьи.

Во второй части автор обращает внимание и на то, как ученики распорядились доставшимся им наследием и как складывались отношения между ними. По его мнению, их поступки во многом определялись стремлением занять место преемника М.В. Алексеева, стать «патриархом» советской китаистики. Описывая действия всех названных учеников как претендентов на «синологическое лидерство», он стремится выяснить, что каждому из них мешало этого добиться (с. 363–381).

А.И. Кобзев тщательно реконструирует линию поведения Л.З. Эйдлина и Н.Т. Федоренко с первых дней их знакомства с В.М. Алексеевым²⁴. Они приехали в Ленинград из Москвы выпускниками Московского института востоковедения (МИВ) в разгар репрессий, будучи литературоведчески совершенно необразованными. Понимая, какая участь им грозит, В.М. Алексеев, по наблюдениям И.С. Смирнова, проявил к ним «небывалую снисходительность», потому что сам недавно лишился своих лучших учеников (с. 357–358). За несколько лет упорного труда В.М. Алексееву удалось сделать из них филологов-«классиков». Особых успехов, безусловно, на этом поприще достиг Л.З. Эйдлин [9, с. 404–408].

²⁴ Приводя данные о биографии Л.З. Эйдлина, А.И. Кобзев ссылается на статью о нём И.С. Смирнова [50, с. 521–542].

А.И. Кобзев показывает, что ещё при жизни В.М. Алексеева они позволяли себе пренебрегать его требованиями и не считаться с его мнением; делать то, что он вряд ли бы одобрил. Автор напоминает, что свои диссертации они защитили в годы войны, их оппонентом был Н.И. Конрад. И если Л.З. Эйдлин добросовестно «выстрадал» свою кандидатскую, то жизнелюб Н.Т. Федоренко получил сразу степень доктора за работу, написанную недобросовестно и защищённую по звонку «сверху» (с. 382–384).

Жизненный путь обоих учеников во многом определяется тем, что, овладев навыками литературоведа под руководством основоположника «школы» и пользуясь поддержкой «старшего ученика» Н.И. Конрада, они в самом начале своего самостоятельного пути в науке были вынуждены отдать дань «обществоведению»²⁵. Сразу после смерти В.М. Алексеева, выполняя «социальный заказ», они занялись «актуальными вопросами современности» и взялись описывать достижения соцреалистической литературы КНР. Первым, в 1953 г., выступил Н.Т. Федоренко с книгой «Очерки современной китайской литературы» [56, с. 5]. Вторым, в 1955 г., — Л.З. Эйдлин с книгой «О китайской литературе наших дней» [63, с. 62]²⁶. От предыдущей эту книгу отличает то, что её автор не опасался сослаться на работы В.М. Алексеева.

По-видимому, сработал тот же эффект, что и в жизни Л.С. Переломова, — конечно, сугубо «обществоведческие» (от литературы, а не истории) книги много выиграли из-за того, что были «фундированы» эрудицией авторов в области «классики». Но уход в «обществоведение» оказал значительное влияние на их дальнейшую судьбу. И если Л.З. Эйдлин сумел, хотя и с явными потерями, вернуться к «классике», то Н.Т. Федоренко со всеми своими научными степенями (доктор, член-корреспондент), высокими постами и назначениями так и остался «обществоведом» от литературоведения²⁷. Путь в науке Л.З. Эйдлина сложнее и многограннее, но и не менее противоречив²⁸.

²⁵ Очевидно, что Л.З. Эйдлин пользовался и поддержкой И.М. Ошанина. Первая его статья была опубликована в Военном институте, где тот тогда работал. См. [60, с. 55–69].

²⁶ Ей предшествовали статьи 1951 и 1954 гг. [61; 62].

²⁷ Складывается впечатление, что статьи из его двухтомника 1987 г., сейчас забыты, по крайней мере, ссылки на них в специальной литературе крайне редки. Видимо, не случайно сборник литературоведческих работ столь заслуженного человека не имеет ни предисловия, ни послесловия, ни каких-либо комментариев — никто из коллег не взял на себя этот труд. Зато в конце второго тома кем-то (!) была помещена внушительная библио-

А.И. Кобзев рассказывает о том, какими маневрами сопровождалась публикация переводов стихотворений танского поэта Бо Цзюй-и, выполненных Л.З. Эйдлиным. Сравнив собрания его четверостиший, выпущенные в 1949, 1951 и 1958 гг., он замечает, что первый сборник должен был выйти с предисловием В.М. Алексеева, но Л.З. Эйдлин не рискнул связываться с непредсказуемым «научным руководителем», справедливо опасаясь, что тот предложил бы ему переводы доработать, а то и переработать.

Иными словами, Л.З. Эйдлин, готовя первый сборник своих переводов, не стал показывать рукопись В.М. Алексееву, что позволило бы учесть его замечания ещё до публикации. Поэтому В.М. Алексеев прочитал уже изданный сборник. Интереснейшими документами являются предоставленные И.С. Смирновым А.И. Кобзеву машинописный вариант отзыва В.М. Алексеева на первый сборник и ответное письмо Л.З. Эйдлина с просьбой этот отзыв не публиковать. Но В.М. Алексеев отзыв всё-таки опубликовал, хотя и в смягчённом виде, в 1950 г. [1, с. 101–105]. И он стал своего рода напутствием «ученикам».

Разобрав указанные рецензентом неточности и его упрёк в непозитичности нерифмованного перевода, А.И. Кобзев сделал вывод: «драма Л.З. Эйдлина состояла в том, что он точность и правильность ставил выше художественности и оригинальности, а сам хотел быть скорее поэтом, чем учёным» (с. 359).

Обнаружилось и ещё одно обстоятельство — в 1945 г. Н.Т. Федоренко предложил Го Мо-жо написать предисловие к сборнику. Оно было опубликовано только в издании 1958 г., и в нём о творчестве Бо Цзюй-и говорилось много такого, против чего выступал В.М. Алексеев в своей рецензии (с. 360–361).

Этот же 1958 г. оказался судьбоносным для истории «школы» ещё и потому, что вновь был поставлен вопрос об издании рукописи важнейшего труда В.М. Алексеева «Рабочая библиография Китая». Но публикация книги «учителя» застопорилась. И здесь в статье появляется имя С.Л. Тихвинского. Автор показывает, что этот учёный и дипломат в списке учеников Алексеева стоит несколько особняком не случайно. По специальности он не филолог, а историк-

графия «Исследования и переводы китайской литературы (1970–1985)», включающая работы всех российских синологов-литературоведов. Кто-то составил и указатель имён [57, с. 398–493].

²⁸ Об этом обстоятельно написал хорошо знавший Л.З. Эйдлина И.С. Смирнов, искренне дорожащий памятью о годах общения с ним [50, с. 521–542].

обществовед и практический работник. В годы учёбы он слушал лекции В.М. Алексеева, а над докторской диссертацией работал под его руководством (с. 367–374). Здесь автор размещает большую вставку о карьере С.Л. Тихвинского и его отношении к «алексеевскому наследию» в разные периоды жизни, которая существенно дополняет картину тех лет (с. 338–351). Ниже есть ещё одна вставка о Л.С. Тихвинском, в которой автор вновь возвращается к рассмотрению ключевых этапов его синологической биографии как историка-обществоведа всесоюзного масштаба (с. 362–374).

Вглядываясь в перипетии жизненного пути «учеников»-литературоведов, А.И. Кобзев отмечает, что ещё при жизни В.М. Алексеева между ними возникло противостояние. Большую роль в этом сыграл Л.З. Эйдлин. В силу неких особенностей своего характера он не воспринимал позитивно старших учеников: Н.И. Конрада и аспирантку В.М. Алексеева 30-х гг. Л.Д. Позднееву — ни их самих, ни то, что они делали, ни то, как они это делали (с. 374). В своё время Н.И. Конрад сразу заметил проявление этих черт его характера и обратил на них внимание В.М. Алексеева²⁹. В будущем последствия не преминули дать о себе знать.

А.И. Кобзев обращает внимание на то, что в 1957 г. увидели свет сразу два издания перевода «Шицзина» («Книги песен»), выпущенного А.А. Штукиным. Первое — краткое, подготовленное Н.И. Конрадом, но в варианте самого переводчика, второе — полное, в серии «Литературные памятники», возглавленное Н.Т. Федоренко и подвергнутое по просьбе редакции небольшой литературной доработке поэтессой Аделиной Адалис (1900–1969) (с. 335–337)³⁰.

Несколько ранее, в 1955–1956 гг., началась ещё одна линия «сравнования» между «учениками» — за исследование биографии основоположника современной китайской литературы Лу Синя и издание переводов его произведений. В него, очевидно, была вовлечена Л.Д. Позднеева, которая, начав изучать творчество Лу Синя с

²⁹ Например, в 1946 г. Н.И. Конрад писал о защите Л.Д. Позднеевой и выступлении на нём Л.З. Эйдлина: «Л.З. Эйдлин — напал на переводы (и, по-моему, не всегда справедливо: она знает китайский язык не хуже, а лучше его). Говорил он интересно, остроумно» [26, с. 295].

³⁰ Надо отметить, что Н.И. Конрад являлся тогда заместителем председателя редколлегии этой серии. Возможно, он исходил из того, что для популяризации необходимо два издания: одно «карманное» — массовое, многотиражное, и одно элитное — в престижной серии, продвижение которого взял на себя Н.Т. Федоренко.

1933 г., в 1956 г. защитила докторскую диссертацию по его творчеству [43, с. 15]³¹.

Л.З. Эйдлин и Н.Т. Федоренко (который изначально занимался с В.М. Алексеевым творчеством Лу Синя, но неожиданно переключился на древнюю литературу), судя по всему, одержали верх — все остальные издания переводов Лу Синя выходили под их эгидой, в том числе в престижной «Библиотеке всемирной литературы» [32]³². Затем всё в том же 1958 г. встал вопрос: кто будет публиковать неизданное наследие В.М. Алексеева. Ситуация, судя по всему, была очень напряжённой. Н.И. Конрад предпочёл или был вынужден уступить это право Л.З. Эйдлину, сосредоточившись на публикации наследия других учеников В.М. Алексеева: Н.А. Невского, Ю.К. Щуцкого, К.К. Флуга (с. 340)³³.

В 60–70-е гг. противоречия дали о себе знать (с. 335). Московский филиал «школы Алексеева» распался на два лагеря. В одном оказались, как видится, «перешедшие к обороне» Н.И. Конрад и Л.Д. Позднеева, в другом — «наступавшие» Л.З. Эйдлин и Н.Т. Федоренко. Первые, «старшие ученики», являясь «филологами-классиками», были склоны к теоретизированию и углублённо изучали закономерности литературно-художественного процесса: Н.И. Конрад разрабатывал тему законов всемирно-исторического и литературно-

³¹ О нём в 1957 г. в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ вышла книга Л.Д. Позднеевой [40]. В 1959 г. в издательстве Московского университета была опубликована её монография [41]. В 1960 г. вышла монография ленинградского специалиста В.В. Петрова с почти тем же названием под редакцией Л.З. Эйдлина, но уже в центральном издательстве «Художественная литература» [39].

³² Его составители Н.Т. Федоренко и Л.З. Эйдлин не сочли возможным поместить в него ни один из переводов Л.Д. Позднеевой, хотя они представляют собой значительную часть переводов в четырёхтомном собрании сочинений Лу Синя, который вышел в 1955–1956 гг. Составителем 1–3 томов была сама Л.Д. Позднеева, а Н.Т. Федоренко был одним из трёх ответственных редакторов всего четырёхтомника. В синологической библиотеке кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова хранится эта книга из библиотеки Л.Д. Позднеевой с дарственной надписью В.И. Семанова «Дорогой Любви Дмитриевне — с трудом добытый экземпляр».

³³ В письме Н.К. Конрада И.А. Орбели (6.06. 1958 ?) есть такие слова: «Как, вероятно, Вы знаете, он протестовал перед Наталией Михайловной против такого нарушения его прав, заявив при этом, что, по его мнению, право на редактирование работ Василия Михайловича имеют только ближайшие ученики (подчёркнуто мною. — М.У.) Василия Михайловича, а ими он считает себя и Н.Т. Федоренко» [26, с. 323].

художественного процесса, а Л.Д. Позднеева адаптировала достижения теоретической филологии («исторической поэтики») к изучению истории китайской литературы в разные периоды её развития. Они исходили из идеи универсальности развития мировой культуры.

Вторые, «младшие ученики», став «филологами-практиками», отдав при этом долг литературоведческому «обществоведению», испытывали по отношению к «старшим ученикам» своего рода ревность и фундаментальных теоретических вопросов стремились избегать. Очевидно, они исходили из идеи уникальности и самобытности китайской культуры.

В результате учение об универсальности литературного процесса, которое развивал Н.И. Конрад, было сведено его оппонентом к вопросу о том, имело ли место «Возрождение в Китае». А мысль Л.Д. Позднеевой о важности законов риторики и устной речи в целом для понимания особенностей литературного процесса в периоды Чуньцю и Чжаньго была истолкована как «теория этапа ораторского искусства».

Категорическое отрицание теоретических подходов своих старших товарищей Л.З. Эйдлиным, который пользовался не меньшим авторитетом у коллег, чем его оппоненты, передалось многим востоковедам-филологам. Позиции Л.З. Эйдлина в силу их умопоступительной простоты и убедительности (опора на конкретный факт, а не на абстрактную идею) оказались привлекательны³⁴. Логика поступков вела к тому, что в синологическом литературоведении была поставлена под сомнение сама возможность адаптации теории, выработанной при изучении литературы всемирной, к изучению литературы китайской. Получалось, что у В.М. Алексева есть «плохие» ученики, предавшие его во всём, выдумщики и прожектеры, на кото-

³⁴ Это, кстати, сохраняется и по сей день. Специалист по русской литературе Р.Ф. Бекметов и русист из КНР Чжан Шуцзюань в совместной статье «Китайская литература в интерпретациях и переводах Л.З. Эйдлина» (2016 г.) пишут: «Л.З. Эйдлин эту идею не отвергал, он лишь указал на её изъяны, заставлявшие скептически к ней отнестись. Его слова и сегодня звучат мудро и взвешенно, являясь своего рода прививкой от тех теорий, которые грешат всеохватностью толкований вопреки фактографической конкретике с её ощутимо живым многообразием» [10, с. 18]. Вот и получилось, что Лев Залманович — мудр, а Николай Иосифович — грешен. Ими же вольно или невольно отмечено одно из противоречий Л.З. Эйдлина как учёного — противопоставление плана «теории» (общего) и «факта» (особенного и единичного), которое, по-видимому, и препятствовало ему выйти на уровень глубоких теоретических обобщений: «Во главу угла, таким образом, Л.З. Эйдлин ставил факт, а не идею, которая проверяется им» [10, с. 18].

рых он только зря потратил время и силы, его неудача, и очень хорошие ученики, старательные и заботливые, верные и преданные, настоящие учёные, которые от фактов и от текста ни на шаг не отойдут: «точность — поэзия науки» и всё.

Статья А.И. Кобзева и ценна тем, что в ней показано, что это не так. Сейчас, по прошествии многих лет, представляется, что обе стороны пытались развивать два аспекта одного и того же направления, заданного В.М. Алексеевым: теоретическое и переводческое (ведь сам он говорил о связке: «перевод-исследование»). Но сказались культурные, профессиональные, мировоззренческие и поколенческие различия. «Старших учеников» не так ослепляла личность В.М. Алексеева, они готовы были перерабатывать, исправлять, расширять его наследие. Они явно стремились продолжать начатые им проекты. Тогда как «младшие», знавшие В.М. Алексеева менее продолжительное время в последние годы его жизни и свято выполнявшие как миссию всей своей жизни задачу публикации его трудов, идеализировали и боготворили своего учителя. Но, заботливо публикуя его труды и нанося одновременно сокрушительные удары по научной репутации своих старших товарищей, они тем самым ставили под сомнение ту важную часть его наследия (теоретическое литературоведение), которую разрабатывали Н.И. Конрад и Л.Д. Позднеева, и тем самым разрушали «школу», нивелировали достижения её основателя. Естественные для научной среды расхождения во взглядах, переросшие в противоестественное противостояние, не могли привести ни к чему иному, кроме как ослаблению её потенциала.

Так изрядно пострадало то её московское ответвление, которое выстраивалось Л.Д. Позднеевой в ИВЯ МГУ, особенно остро это чувствовали на себе «ученики учеников»³⁵. К счастью, это направление уцелело, преподаватели кафедры китайской филологии ИВЯ/ИСАА

³⁵ Накал страстей передан ученицей Л.Д. Позднеевой Л.Е. Померанцевой в её предисловии к сборнику трудов Л.Д. Позднеевой, изданному в 2011 г. Она упомянула и о ещё одной линии противостояния — споре о том, что в китайской культуре приоритетно: конфуцианство или даосизм: «Столь ощутимый в этих статьях её собственный острополюемический стиль вызван не менее эмоциональной полемикой между ведущими китаистами-филологами тех лет — Л.Д. Позднеевой, с одной стороны, и Л.З. Эйдлиным — с другой, которая велась о сути и роли конфуцианства, а также об оценке отдельных фигур и событий как в истории, так и в литературе. Этой полемикой пронизаны работы членов противоборствующих групп (по тем временам это была настоящая борьба, не всегда вписывающаяся в рамки академических правил). Каждая из сторон отстаивала свои тезисы очень лично, как свою собственную жизненную позицию, — таково было время» [44, с. 12].

МГУ внесли свою лепту в перевод классических памятников: «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы» (Л.Д. Позднеева), «Цзинь пин мэй» (В.С. Манухин), «Люй-ши чуньцю» (Г.А. Ткаченко), «Хуайнань-цзы» (Л.Е. Померанцева), «Луньюй» и «Мэн-цзы» (И.И. Семенов) и многих других, но публикация некоторых из них растянулась на десятилетия³⁶. Так часть проектов, начатых В.М. Алексеевым (перевод основополагающих произведений общественной мысли древности и крупнейших литературных произведений), получила своё продолжение.

А.И. Кобзев обращает внимание на то, что кончину Н.И. Конрада ускорила публикация статьи Л.З. Эйдлина 1970 г. в читаемой интеллигенцией «Иностранной литературе», главным редактором которой тогда был Н.Т. Федоренко (с. 386) [64, с. 214–228]³⁷. Очевидно, что Н.И. Конрад не забывал свою вину перед их общим учителем и помнил о том, что сам открыл своим оппонентам путь в большую науку, опекая их как учеников их общего учителя. Не исключено, что именно испытываемый им моральный гнёт и делал его бессильным в этом нелепом противостоянии с «младшими учениками».

А жизнь не стояла на месте, новые времена готовили новые вызовы и испытания. Наверное, в 70–80-е гг. казалось, что изучение в СССР истории китайской литературы, как и вообще изучение истории литератур стран Востока, будет и дальше бурно развиваться. Но наступили 90-е гг. Не стало СССР. Изменилась ситуация и на кафедре китайской филологии ИСАА МГУ. И одновременно возник Институт восточных культур и античности (ИВКА) в РГГУ, создававшийся Г.А. Ткаченко — учеником Л.Д. Позднеевой совместно с его нынешним руководителем И.С. Смирновым — учеником Л.З. Эйдлина. Судьбы «учеников учеников», как и всего направления, — тема отдельной работы.

В статье затронут ряд серьёзных вопросов, из которых хотелось бы выделить два. Важнейшая проблема: как писать критическую

³⁶ Нельзя не вспомнить и о выдающихся достижениях в области переводов классических произведений Д.Н. Воскресенского (1926–2017), который, впрочем, всегда подчёркивал, что он — выпускник Военного института, а его учитель — И.М. Ошанин. При этом Д.Н. Воскресенский всегда делал акцент на том, что хотя И.М. Ошанин — ученик В.М. Алексеева, он всё же стоял в стороне от баталий и возглавлял коллектив, который успешно завершил один из алексеевских мегапроектов: составление «Большого китайско-русского словаря».

³⁷ О резком ухудшении самочувствия после этой статьи сам Н.И. Конрад писал незадолго до своей кончины И.М. Ошанину (12.07.1970) [26, с. 394–395].

биографию учёного. Ведь история научного направления складывается из историй отдельных людей. Написание биографии учёного предполагает не только критику его научных трудов, подходов и методов работы, высказанных идей, концепций и выводов, но и критику его поступков в научной среде, в административной сфере, в преподавании, а также анализ отношения к сохранению памяти о предыдущих поколениях, истории взаимодействия друг с другом и с молодым поколением.

При описании биографии отечественных специалистов один из самых сложных вопросов заключается в том, публиковать или нет материалы, содержащие данные о поступках, о которых не хотелось бы говорить. Ведь возникает закономерный вопрос: не будет ли репутация заслуженного человека опорочена?³⁸ Конечно, каждый обладатель таких документов решает сам. Но, очевидно, что без этих документов представления об истории синологии, а также портреты учёных и картина эпохи останутся неполными.

Впрочем, известно, что рано или поздно любой документ находит путь к публикации. Значит, вопрос не в том, публиковать его или нет, а когда публиковать и какими словами эти публикации сопровождать. Важен стиль. Если он корректен, нейтрален или проникнут сочувствием к этим людям, то публикация документов не только не оскорбит их памяти, но добавит объём их образам и глубину в понимании их как личностей.

Ещё одна важная проблема связана с сохранением и развитием научной школы «учениками». Оказывается, сохранить школу не менее сложно, чем её создать. Ведь научная «школа» — это сложный и хрупкий культурный организм. Именно она создаёт условия для научного творчества и развития науки; её задача — обеспечивать преемственность поколений, совершенствовать методы и подходы, гарантировать продолжение долговременных академических проектов, создавать условия для работы учёных всех поколений. Она очень уязвима, поэтому в её рамках учениками перенимаются и развиваются не только знания и навыки, но и этические принципы. Борьба внутри неё её разрушает. Поэтому судьба «школы» — в руках учеников. От их действий зависит, будет ли она развиваться или прекратит своё существование.

³⁸ В случаях с учёными 20–30-х гг. XX в. это записи допросов, тексты доносов, стенограммы выступлений во время всяких «проработок» и покаянные ответы. А в послевоенное время это документы, характеризующие их действия в научной среде, продиктованные их собственной волей. Например, во время «обсуждений» работ молодых учёных [55].

В статье показано, что сохранение школы зависит от того, как будут выстраиваться отношения между учениками, удастся ли им избежать губительного для школы противостояния друг с другом. Как видно из статьи, наибольшая ответственность лежит именно на учениках первого поколения, непосредственно обучавшихся у основоположника научной школы. Потому что судьба школы решается тогда, когда она воспроизводится в третьем и четвёртом поколениях, когда у «учеников учеников» появляются свои ученики.

Не будет преувеличением сказать, что как создание, так и сохранение «школы» является важнейшим критерием оценки результатов академической деятельности учёного.

Опыт «героев» статьи показал, что выход за определённую грань в критике своих оппонентов внутри школы ведёт к разрушению школы, а вне её — к угасанию возникающих новых направлений. Дискредитация учениками друг друга — это прежде всего дискредитация самого учителя, а значит отрицание «школы». Действительно, борьба за «алексеевское наследие» оказалась пагубной как для самого «алексеевского наследия», так и для его «школы», по крайней мере, её московского ответвления. Потому что преемственность — это не только сохранение памяти об учителе и ревностная публикация его трудов, но и развитие его научного наследия, продолжение начатых проектов, а также создание благоприятных условий для становления в её рамках новых поколений исследователей.

Каждый из четырёх основных персонажей этой части статьи стал одним из столпов отечественного востоковедения, каждый, бесспорно, создавал вокруг себя культурную среду. Но стал ли кто-то из них преемником В.М. Алексеева? Статья в силу отсутствия в ней итога, какого-либо «дидактического вывода» имеет «открытый финал». Читателю предоставляется самому дать ответы на поднятые в ней вопросы. И всё-таки, возникни сейчас задача написать для серии «Жизнь замечательных людей» книги о выдающихся филологах-дальневосточниках, второй после книги о В.М. Алексееве бесспорно будет книга о Н.И. Конраде.

В заключении рассматриваемого сборника статей — мемориальная часть. Давая характеристики коллегам, автор книги не поспешил на тёплые слова и комплиментарные высказывания в адрес их самих и их работ. Здесь упомянуты любимые автором люди. Открывается поминальная часть статьями о В.Е. Еремееве «Искатель Великого предела» (2013) и о Е.А. Торчинове «В поисках Таинственной Самки вслед за Е.А. Торчиновым» (2013).

Далее следуют ещё две статьи, которые стоят особняком, но тематически связаны с основной задачей сборника — показать различ-

ные стороны современной российской китаистики. Это предисловия автора к книгам его сверстников, китаистов со сложным, извилистым жизненным путём, — С.Н. Гончарова и Ю.М. Иляхина: «Предисловие к оригинальной книге С.Н. Гончарова» (2013) и «Китайское блюдо русского китаиста Ю.М. Иляхина» (2014).

Замыкает книгу цикл работ о недавно ушедших из жизни коллег старшего поколения. Это «Уроки Чистого Листа, написанного Е.В. Завадской» (2016), «Памяти Лилии Николаевны Борох» (2012), «Памяти Юрия Мисаковича Гарушянца» (2012), «Последнее интервью Ю.М. Гарушянца» (2012), «Предисловие к сгоревшей книге З.Д. Катковой» (2014), «Памяти Алексея Анатольевича Бокшанина» (2014), «Памяти Анатолия Рудольфовича Вяткина» (2015), «Памяти Александра Николаевича Хохлова» (2016). В этом разделе автор вспоминает ушедших коллег, с которыми его связывали долгие годы совместной работы. Нельзя не сказать и о том, что здесь же в конце тома помещены их посмертные фотографии «во гробе» — явление непривычное. Кто-то сочтёт это излишним, кто-то — шокирующим. Но можно взглянуть на это иначе. Ведь существует традиция — снимая гипсовую маску умершего запечатлеть его лицо, а иногда руки перед тем, как тело будет предано земле. Посмертные маски выдающихся деятелей культуры А.С. Пушкина, В.С. Высоцкого, слепки рук умершего Н. Паганини можно увидеть на стенах в кабинетах представителей творческой интеллигенции. Это напоминание живущим о бренности сущего и преходящем характере нашего земного пути, о самоценности культуры и неизбежности ухода из жизни её творцов.

Заканчивая рассмотрение сборника статей А.И. Кобзева, выскажем некоторые критические замечания. Нельзя не заметить, что некоторые работы очень велики, поскольку возникли из объединения нескольких статей. В таком виде, без подзаголовков они выглядят несколько громоздкими. Объединяя статьи, автору не всегда удавалось избегать тематической чересполосицы — возвращения к одной и той же теме. Встречаются редакторские и корректорские недосмотры. Есть опечатки (см. ниже), один раз встречается расхождение между названием статьи в оглавлении и в самом тексте: в оглавлении указана статья «Первые русские переводы Ван Ян-мина и В.М. Алексеев», а в тексте — «Новое о старых переводах Ван Ян-мина» (с. 412). Конечно, в такой книге ощутимо не хватает указателей, прежде всего — имён.

Заключение

Содержательный посыл статей, собранных в одной книге, значительно усилился. По сути, это уже не столько статьи, сколько

фрагменты разделов будущей монографии, своего рода этюды отдельных глав критической истории отечественного китаеведения XX в. Книга насыщена фактами, разнообразной информацией, в ней много наблюдений и замечаний автора. Мимо неё не сможет пройти будущий историк этого научного направления.

Рассмотренная книга — это не сводка достижений и не причитания о том, как всё плохо. Она воспринимается как попытка перейти от привычного духоподъёмного описания достижений или сдержанного повествования о пережитых невзгодах к критике наследия видных учёных прошлого и настоящего, к осмыслению текущего положения дел в «классическом» китаеведении.

Данная книга, на наш взгляд, может рассматриваться как пример критического подхода и к истории науки, и к рассмотрению её состояния в настоящем. Реализованный автором подход ценен тем, что позволяет расширить пространство исследования истории китаеведения, высвечивает те её области, которые ещё предстоит осмыслить. Очерчиваются границы критики, обозначаются те её пределы, за которые лучше не выходить, но и ломаются те ограничения, которые препятствуют постижению истины. Создаются условия для дальнейшей рефлексии китаеведов на тему прошлого и настоящего той отрасли науки, к которой они принадлежат.

Такой подход позволил автору затронуть большой круг проблем. Среди них наиболее существенными представляются: подготовка в классических университетах академических учёных-китаистов, занимающихся «классикой»; организация и осуществление академических проектов; культура ведения научных дискуссий; создание критической биографии учёного; роль «учеников» в сохранении научной школы. Это именно те вопросы, которые нельзя обойти при написании истории синологии как отдельного научного направления.

История научного направления вырастает из истории отдельных людей. Образ учёного в истории науки складывается из двух основных аспектов. Прежде всего, это его научные труды, но не менее важны и его конструктивные и деструктивные действия в академической сфере как особой культурной среде. Приведённые в книге примеры заставляют задуматься о том, что, казалось бы, вполне оправданные поступки «во благо» в настоящем могут привести к трудно поправимым культурным утратам в будущем. И наоборот, начатые и успешно проведённые проекты могут стимулировать развитие отдельных направлений исследований культуры традиционного Китая на многие десятилетия вперёд. Говорит в ней автор и о равной ответственности и поколения «учителей», и поколений «учеников» за судьбу школы и целого научного направления.

При анализе биографии учёного необходима оценка и успехов, и неудач, описание заслуг и критика явных упущений. Их пропорциональное описание делает образ учёного объёмным, целостным, позволяет всесторонне оценить его вклад в науку. А перечисление одних только успехов порождает однобокое и искажённое восприятие. Критический подход и максимальное привлечение имеющихся материалов поможет разобраться в объективных (социальных, культурных) и субъективных (связанных с особенностями характера) причинах, предопределивших те или иные действия китаистов прошлого. А рефлексия позволит извлечь необходимый опыт и избежать повторения хотя бы части ошибочных действий в будущем.

Поэтому когда представитель старшего поколения выступает с критикой — это хороший признак. Критика — начальный этап рефлексии, она формирует условия для осмысления прошлого и понимания текущего состояния дел. Критика это и инструмент «деконструкции» — сложного культурного механизма отказа от существующих в какой-либо сфере культуры её «мифов» — устаревших представлений о должном порядке вещей. Она осуществляется путём пересмотра устоявшихся норм, направлена на слом сложившихся конвенций и создание новых, отвечающих требованиям текущей эпохи.

Критика — ход всегда рискованный, не всякий на неё решится, она требует смелости и осмотрительности, поскольку может рикошетом ударить по её автору. В критике важна мера. Но мера критики — величина не постоянная, она зависит от поставленных её автором задач и опять же чувства меры. Известно, что взявшись за критику отдельной работы, бывает сложно удержаться и не перейти на личности — не каждый сможет избежать соблазна сказать, что, мол, выводы оппонента потому ошибочны, что сам человек плох³⁹.

Книга служит напоминанием и о том, что в науке, как и в любой другой сфере культуры, каждый шаг в академической и педагогической деятельности учёного рано или поздно становится достоянием истории и неизбежно привлекает внимание будущих поколений. Не поэтому ли нам и сейчас так интересны личности Н.Я. Бичурина, П.И. Кафарова, В.П. Васильева и В.М. Алексева и не поэтому ли так остро ощущается нехватка критических работ о них.

³⁹ В письме к В.М. Алексеву владивостокский синолог П.П. Шмидт, уехавший в 1920 г. в Литву, высказал такую мысль: «Ошибки нужно только исправлять, но не ругать порой деятелей, которые не могли не ошибиться так, как и мы все ошибаемся. Одни синологи ищут у своих предшественников только ошибки, а другие считают каждое слово знаменитости безошибочным. Даже относительно основных принципов существуют противоположные взгляды» [58, с. 216].

Литература

1. *Алексеев В.М.* [Рец.:] *Бо Цзюй-и*. Четверостишия. Пер. Л. Эйдлина. М., 1949 // Советская книга. 1950, № 5.
2. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982.
3. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб., 2010.
4. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая // Архив российской китаистики. Т. I. М., 2013.
5. *Алпатов В.М.* Николай Иосифович Конрад (1891–1970) // Портреты историков. Время и судьбы. Том 3. Древний мир и средние века. М., 2004.
6. Архив российской китаистики. Том IV. М., 2016.
7. *Баньковская М.В.* Семь ярких вспышек // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993.
8. *Баньковская М.В.* Друзья и недруги Ляо Чжая: Попытка послесловия / Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). СПб., 2000.
9. *Баньковская М.В.* Василий Михайлович Алексеев и Китай. Книга об отце. М., 2010.
10. *Бекметов Р.Ф., Чжан Шуцзюань.* Китайская литература в интерпретациях и переводах Л.З. Эйдлина // Учёные записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 1.
11. *Дацзышен В.Г.* Изучение китайского языка в России (XVII — начало XX вв.). Новосибирск, 2011.
12. *Дацзышен В.Г.* История русского китаеведения 1917–1945. М., 2015.
13. *Дацзышен В.Г.* Изучение истории Китая в Российской империи. М., 2016.
14. *Емельянов В.В.* В.В. Струве как историк месопотамской религии. Часть 1 // Религиоведение. Том 3. Благовещенск, 2016. С. 111–121.
15. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.
16. История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 года. М., 1997.
17. Китайский эрос / Под. ред. *А.И. Кобзева*. М., 1993.
18. *Кобзев А.И.* Победа синих чертей (о Ю.К. Щуцком) // Проблемы Дальнего Востока. 1989, № 4; то же // Наука и религия. 1991, № 4.
19. *Кобзев А.И.* Произведения Ю.К. Щуцкого. Литература о Ю.К. Щуцком и его произведениях // Проблемы Дальнего Востока. 1989, № 4.
20. *Кобзев А.И.* Краткая биография Ю.К. Щуцкого // *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. *А.И. Кобзев*. — 2-е изд., испр. и доп. М., 1993, 1997, 2003; то же // *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен»: в двух томах / Сост. *А.И. Кобзев*. СПб., М., 2000. Т. 1.
21. *Кобзев А.И.* Библиография работ Ю.К. Щуцкого и о нём // *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. *А.И. Кобзев*. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993, 1997, 2003, с. 68–70; то же с доп. // *Щуц-*

- кий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен»: в двух томах / Сост. А.И. Кобзев. СПб., М., 2000. Т. 1.
22. Кобзев А.И. Щуцкий Юлиан Константинович // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001.
23. Кобзев А.И. Синие черти против тамплиеров // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2. (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 9). М., 2013.
24. Кобзев А.И. Синологи, тамплиеры и антропософы в советском аду: круг Ю.К. Щуцкого // Архив российской китаистики. Т. II. М., 2013.
25. Комиссаров С.А. О значении историографии в изучении библиографии. Рецензия на книгу: Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста: Книга руководства для изучающих язык и культуру Китая / Под ред. Б.Л. Рифтина; отв. сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН, 2010. 504 с. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 10: Востоковедение.
26. Конрад Н.И. Неопубликованные работы и письма. М., 1996.
27. Кривцов В.Н. Отец Иакинф. Л., 1978.
28. Крих С.Б. Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск, 2006.
29. Крих С.Б. Теоретическое обоснование В.В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке // Социальные институты в истории. Ретроспекция и реальность. Материалы XII межвузовской региональной научной конференции. Омск, 2012.
30. Крих С.Б. Как не написать главный труд всей жизни: случай академика В.В. Струве // Мир историка. Историографический сборник. Выпуск 10. Омск, 2015.
31. Крих С.Б. И.М. Дьяконов против В.В. Струве: полемика на полях Шумера // Вестник древней истории. Том 76. 2016. № 4.
32. Лу Синь. Повести. Рассказы. М., 1971.
33. Мартынов Д.Е. Жизненный путь и творческая биография В.А. Рубина на страницах его дневников // Архив российской китаистики. Т. IV. М., 2016.
34. Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. I–IV. М., 1997–2014.
35. Обществоведение. Учебник для выпускного класса средней школы и средних специальных учебных заведений. М., 1982.
36. О коллегах и товарищах. Московские востоковеды 60–80-х годов. М., 1994.
37. Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов (1941–1945 гг.). М., 1985.
38. Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 1–6. М., 1953–1963.
39. Петров В.В. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960.
40. Позднеева Л.Д. Лу Синь. М., 1957.
41. Позднеева Л.Д. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881–1936). М., 1959.
42. Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М., 1987.

43. *Померанцева Л.Е.* Любовь Дмитриевна Позднеева (1908–1974) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1999. № 3.
44. *Померанцева Л.Е.* От составителя / *Л.Д. Позднеева.* История китайской литературы. М., 2011.
45. Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сборник статей и библиография. Владивосток, 2014.
46. Российское китаеведение — устная история. Т. 1. М., 2014; Т. 2. М., 2017.
47. *Рубин В.* Дневники. Письма / Науч. ред. *Л. Дымерская-Цигельман.* Тель-Авив, 1988.
48. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
49. Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М. 1988.
50. *Смирнов И.С.* Случай Эйдлина // *он же.* Китайская поэзия в исследовании, заметках, переводах, толкованиях. М., 2014.
51. 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Том. XLIV. Ч. 2. (Учёные записки Отдела Китая. Выпуск 15). М., 2014.
52. *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения в 5 кн. М., 2006. Т. 5.
53. Труды Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН. Вып. 1. Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944). М., 2011.
54. *Ульянов М.Ю.* Избранная библиография по истории Древнего Китая // Архив российской китаистики. Т. I. М., 2013.
55. *Ульянов М.Ю.* К 50-летию одного обсуждения, или О ненаучной ревности и научной целесообразности // Архив российской китаистики. Т. IV. М., 2016.
56. *Федоренко Н.Т.* Очерки современной китайской литературы. М., 1953.
57. *Федоренко Н.Т.* Избранные произведения в двух томах. Том второй. Китайское литературное наследие и современность. М., 1987.
58. *Хисамутдинов А.А.* Дальневосточное востоковедение. Исторические очерки. М., 2013.
59. Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4-х т. / Пер. с кит. *В.С. Манухин* и др. Сост. и отв. ред. *А.И. Кобзев.* Иркутск, 1994, М., 2016.
60. *Эйдлин Л.З.* Из танской поэзии (Бо Цзюй-и) // Труды Военного института иностранных языков. 1946. № 2.
61. *Эйдлин Л.З.* Рабочая тема в китайской художественной литературе 1950 года // Учёные записки Института востоковедения. Т. II: Китайский сборник. 1951.
62. *Эйдлин Л.З.* О положительном герое в современной китайской литературе // Знамя. 1954. № 10.
63. *Эйдлин Л.З.* О китайской литературе наших дней. М., 1955.
64. *Эйдлин Л.З.* Идеи и факты (несколько вопросов по поводу китайского Возрождения) // Иностранная литература. 1970. № 8.

Список замеченных опечаток

	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
стр. 10	октябре	октября
стр. 199	скачек	скачок
стр. 215	Льянов Ю.М.	Ульянов М.Ю.
стр. 302	посмертном	посмертной
стр. 331	неизменных	неизменным
стр. 353	занимавшееся	занимавшегося
стр. 370	пришлось	пришлось
стр. 372	работай	работая
стр. 431	записи сделанной	записи, сделанной
стр. 458	теста	текста
стр. 515	из из	из
стр. 533	Творящий	Творящих
стр. 549	Косыгина	Косыгина

*М. Yu. Ulyanov**

From “critics” to “reflection”: reading A.I. Kobzev’s book “Dramas and Farces of the Russian sinology”

ABSTRACT: The paper presents analysis of collected articles by Artem I. Kobzev “Dramas and Farces of the Russian sinology” wherein the author describes achievements of the Russian sinology as well as criticizes those phenomena which prevents development of the Russian sinology, especially studies of traditional China. The author of the paper looked into a number of critical A. Kobzev’s articles for the purpose of learning a lesson when writing in future critical history of the Russian sinology and, moreover, those scholars who contributed most of all to the Russian sinology development. Besides, the author of the paper rose certain important issues, touched upon in the collection, namely, training at universities sinology scholars, studying Chinese classics; organization and implementation of academic projects; culture of scientific discussions; writing of critical biography of an scientist; role of followers in preserving a scholar school.

KEYWORDS: History of Russian sinology, critics, reflection, biographies of scholars, analysis of works by modern sinologists, philosophy, study of literature, sources studies, memories, issues of sinology.

* Ulyanov Mark Yuryevich, PhD in History, Head of the Chair of Chinese Philology, Institute for Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia; E-mail: ulm@mail.ru